ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИЛОСОФИИ НЕРАВЕНСТВА

БЕРДЯЕВ КАК ЧИТАТЕЛЬ КОНСТАНТИНА ЛЕОНТЬЕВА

ВАСИЛИЙ ВАНЧУГОВ

Историк философии. Доктор философских наук.
Профессор философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, ответственный редактор альманаха «Самопознание», заместитель главного редактора сайта «Русская idea».

Всякий раз, когда речь заходит о современной России, а наиболее удачный эпитет, сравнение, образ, определение мы находим в творческом наследии мыслителя далекого прошлого, значит, мы имеем дело не просто с удачной метафорой, а с формулой, если так можно сказать применительно к духовной деятельности. Подобные случаи свидетельствуют о том, что перед нами глубокий мыслитель с проницательным умом, поскольку его наблюдение, вывод, умозаключение, сделанное десятилетия, а то и века тому назад, актуальны и в наше время. Таков Константин Леонтьев — писатель, литературный критик, цензор, дипломат, философ.

И сегодня его формулировки изящны и точны, образы — уместны; многие признают в Леонтьеве своего современника, единомышленника. На десятом заседании «Валдайского клуба» (2013), говоря о стране, Президент России обратился к образному ряду Константина Леонтьева, особо выделив то, что Россия «всегда развивалась как “цветущая сложность”, как государство-цивилизация, скрепленная русским народом, русским языком, русской культурой,

«К. Н. был благородным аристократическим мыслителем, защищавшим неравенство и иерархический строй во имя высших качеств культуры и красоты жизни, а не во имя каких-либо своекорыстных интересов. С практическими реакционерами он имел мало общего и совсем для них не нужен. В жажде равенства, охватившей мир, он почуял и пытался раскрыть дух антихриста, дух смерти и небытия. В этих мыслях своих он остался одинок. Восприняли его внешнюю «реакционность», но не восприняли его прозрений будущего. <...> Но одним охранением нельзя остановить процесс мирового разложения. Лжи вырождающегося гуманизма должно быть противопоставлено положительное религиозное откровение о человеке. Религиозная трагедия К. Леонтьева нас этому научает. Делать программу из «реакционности» К. Леонтьева в наши дни вредно и неумно. К. Леонтьев не годен для общего употребления. Он не может быть «демократизирован» во имя «правых» интересов».

Николай Бердяев из книги: «Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли» (Париж: YMCA-Press, 1926)

«Именно из модели государства-цивилизации вытекают особенности нашего государственного устройства. Оно всегда стремилось гибко учитывать национальную, религиозную специфику тех или иных территорий, обеспечивая многообразие в единстве. Христианство, ислам, буддизм, иудаизм, другие религии – неотъемлемая часть идентичности и исторического наследия России в настоящей жизни её граждан. Главная задача государства, закреплённая в Конституции, – обеспечение равных прав для представителей традиционных религий и атеистов, права на свободу совести для всех граждан страны».

В. В. Путин.

Из выступления на заседании «Валдайского клуба» 19 сентября 2013 года

Русской православной церковью и другими традиционными религиями России».

Среди вдумчивых читателей этого мыслителя мы находим множество философов, оказавших существенное влияние на развитие русской мысли, в том числе и благодаря освоению его творческого наследия. Изучение произведений Константина Леонтьева стало частью своеобразной школы, непременным элементов их становления. Не всегда осознание значения его творчества приходило мгновенно, но тем интереснее наблюдать сегодня за эволюцией мысли, перипетиями интерпретаций, тем значительнее представляется их совместный — с Леонтьевым — вклад в дело постижения России. Среди наиболее пристрастных читателей, предложивших собственное толкование Леонтьева в не менее оригинальных текстах,— Николай Бердяев.

В 1891 г. (в год смерти Леонтьева), в возрасте 17 лет, Бердяев оставил кадетский корпус и начал готовиться к экзаменам на аттестат зрелости, возжелав «сделаться профессором философии». В это время Леонтьев, спасающий свою душу в Оптиной пустыни, получил благословение на тайный постриг. Через три года Бердяев поступил на естественный факультет Киевского университета имени св. Владимира, но вскоре перевелся на юридический, а заодно увлекся новомодным тогда учением — марксизмом. И только когда у молодого мыслителя произойдет переход к идеализму, его внимание привлечет личность Константина Леонтьева.

К этому времени в России уже имелась небольшая литература, посвященная его жизни и творчеству: статья В. В. Розанова «Поздние фазы славянофильства», вошедшая в сборник «Литературные очерки» (1889), где речь идет не только о Леонтьеве, но и о Данилевском; его же «Эстетическое понимание истории»[1]; статьи кн. С. Н. Трубецкого «Разочарованный славянофил»[2] и П. Н. Милюкова «Разложение славянофильства»[3]; мемориальный очерк «Памяти К. Н. Леонтьева» Вл. С. Соловьева[4] и его же статья для энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Вскоре к этим работам, преимущественно критического характера, добавились и размышления Бердяева, представленные в статье с хлестким, на марксистский манер названием: «К. Леонтьев — философ реакционной романтики»[5].

К этому времени Бердяев успел уже пройти стандартный для радикальной интеллигенции того времени обряд «инициации» — оппозиция правительству, вовлечение в социал-демократическое движение, арест, ссылка (Вологда, 1900–1902, затем Житомир). Также он отметился статьей «Борьба за идеализм» (1901) и участием в резонансном сборнике «Проблемы идеализма» (1902), где опубликовал размышления под названием «Этическая проблема в свете философского идеализма». Согласно признанию, сделанному при написании статьи для готовящегося к изданию словаря русских писателей и ученых (1903), он окончательно отвергает марксизм и переходит на позиции метафизического идеализма, хотя и принимает из прежнего учения ряд «реалистических социальных идей». Однако метафизические искания бывшего «легального марксиста» нисколько не умерили его революционный пыл, не повлияли на активность в общественной сфере. Так в 1903 г., в числе трех десятков представителей отечественной науки, литературы и искусства, он обратился с воззванием «К русскому обществу», в котором содержался протест против смертной казни; в том же году участвовал в Швейцарии в тайных совещаниях по организации «Союза освобождения» — нелегального политического движения, объединяющего разрозненные прежде кружки в двух десятках российских городов...

1 «Русский Вестник», 1892, № 1–3.

2 «Вестник Европы», 1892, Октябрь, с. 772-810.

3 «Вопросы философии и психологии», 1893, № 5.

4 «Русское Обозрение», 1892, № 1.

5 Бердяев Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики // «Вопросы жизни», 1905, июль, затем в сборнике «Sub specie aeternitatis», последующая публикация – «Типы религиозной мысли в России» [Собрание сочинений. Т. III] Париж: YMCA-Press, 1989.

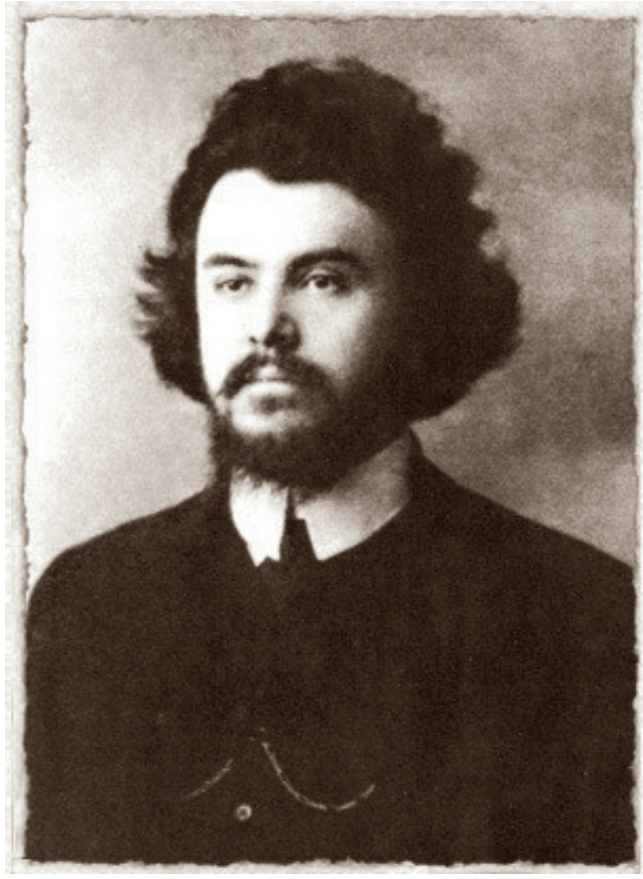
Таков был политический и философский «фон», при котором Бердяев взялся за написание статьи о К. Леонтьеве, в качестве эпиграфа к которой он поставил пожелание Леонтьева «подморозить хоть немного Россию, чтоб она не “гнила”...»

Почему Бердяев остановился именно на творчестве Константина Леонтьева? Да потому, что только его и можно отнести к числу наиболее значительных мыслителей «консервативного лагеря». Многим, конечно же, был хорошо известен такой деятель, как Катков, однако его он считает лишь первым «публицистом консерватизма», но не мыслителем, не философом консерватизма. Катков лишь «эмпирический консерватор», а вот философ консерватизма — Константин Леонтьев...

Поскольку для прогрессивного лагеря идеи Леонтьева неприемлемы, вызывают лишь «отвращение и негодование», а консерваторы замечают только схожесть с воззрениями Каткова, совершенно не понимая их «мистической глубины» и «безумной романтичности», то Бердяев предлагает пойти срединным путем, чтобы разглядеть самую сущность учения философа консерватизма.

В изложении Бердяева Леонтьев предстает перед читателем как «страшный писатель», ужасный для христианского мира, «соблазнительный для многих романтиков и мистиков», одинокий, почти никому неизвестный, но во многом «предвосхитивший Ницше», не выносивший умеренности и середины и дошедший до «крайнего изуверства», «проповедничества насилия, гнета, кнута и виселицы». Однако, несмотря на «страшные и отвратительные» суждения Леонтьева, Бердяев всё же чувствует в нем не «реакционного политика-катковца», а «безумного мечтателя», «несчастного романтика», затерянного в чуждой ему эпохе.

Бердяев также отмечает, что в то время как единомышленники Леонтьева использовали его мировоззрение для своих «грязных дел», сам он едва ли мог быть способен к реальной «реакционной политике» в силу своей творческой индивидуальности. Последнее, впрочем, не уберегло его от превратных, как полагает Бердяев, умозаключений — полагая в качестве высшего критерия развитое разнообразие общественного организма, он



дорожит не живым человеком, а «фиктивной целостностью», что можно уподобить «поклонению Левиафану». Здесь обнаруживается своеобразное суеверие, которое Бердяев замечает у государственников, у всех сторонников органической теории общества, лишенных мистической настроенности, полагающихся на реализм и позитивное воззрение.

Особого пояснения заслуживает своеобразное толкование Бердяевым «романтики», которую он обнаруживает в творчестве Леонтьева. Это такое состояние духа, благодаря которому, с одной стороны, отрицается культура в силу «отвращения ее буржуазностью», а с другой — совершается ее преображение. При такой двойственности Леонтьев — враг культуры, понимаемой как «буржуазный прогресс», хотя и жаждет ее обновления, новой жизни, оригинальной и красивой. Но он обречен, поскольку «смотрит назад», упивается красотой былого, мечтами обращен в прошлое, ведь,

Михаил Никифорович Катков (1.11.1818–20.7.1887) – *влиятельнейший публицист национально-консервативного направления. С 1850–1880-х гг. основное внимание уделял журналистско-издательской деятельности – в журнале «Русский вестник» (1856–1887) и газете «Московские ведомости» (1851–1855, 1863–1887) публиковал статьи но проблемам внутренней и внешней политики. После убийства Александра II стал сторонником жесткого курса Александра III, сблизившись с К.П. Победоносцевым.*

как полагает Бердяев, возврата, реставрации нет и не может быть, возможно лишь возрождение, которое всегда есть новое творчество, «рождение будущего из семени прошлого».

Таким крайне правый Леонтьев предстал для российского общества в интерпретации либерального, довольно левого Бердяева. Однако самый интересный момент его прочтения, итог изучения творчества Леонтьева заключается в апологии подлинной аристократии. В неприятии, точнее, ненависти Леонтьева к демократии, «плебейской культуре» Бердяев отмечает не только заблуждения, но и верные моменты, после анализа этой деликатной проблемы предлагая парадоксальную «формулу»: победа демократии и социализма допустима и необходима, но лишь для того, чтобы окончательно восторжествовала аристократия. Демократизм и социализм видятся Бердяеву лишь способами обнаружения «истинной, над-исторической, мистической аристократии», благодаря чему устраняется «ложная, случайно-историческая, позитивная аристократия», и к этому умозаключению его приводит именно Леонтьев.

Особое развитие эта тема получит у Бердяева уже после социальных потрясений 1917 г., в книге «Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии», написанной летом 1918 г., но впервые опубликованной спустя пять лет в Берлине. Революция, о которой мечтали не только большевики, но и вся «прогрессивная часть общества», вскоре разочарует Бердяева, и он воспримет всё происходящее глазами Леонтьева как «упрощение» общества, ведущее к угасанию культуры, ее гибели.

Уже в первом «письме», посвященном русской революции, затронув тему социологии «недругов», решивших основать ее на предположении, что для блага личности общество должно быть однородным, упрощенным, недифференцированным, что «цветение личности» обусловлено противоположным процессом — «отцветанием» общества, государства, нации, Бердяев обращается к наследию Леонтьеву, определяя настоящее как последнюю фазу его триады — «упростительное смешение», следствием чего является смерть.

Здесь Бердяев целиком на стороне Леонтьева, с ним он противостоит тем, кому претит сложное цветение культуры, видя в этом угрозу для личности. Сам стиль письма Бердяева таков, словно его перо в руке Леонтьева. Он обличает оппонентов в том, что они заботятся не о личности самой по себе, а о ее равенстве с другими, чтобы она не оказалась выше, при этом своеобразно понимаемое равенство «пребывает в каком-то промежуточном царстве небытия, в пустоте», не имея реальной пользы для жизни, только вредя ей. А потому всякий, кто желает добра человеку, должен вести себя согласно завету Леонтьева, который, в изложении Бердяева, звучит так: «всякий творческий порыв в личности» есть ни что иное, как «порыв к неравенству, нарушение равенства, возвышение».

Леонтьев для Бердяева — мыслитель более глубокий и оригинальный, чем все учителя и идеологи «недругов» вместе взятые, поскольку он связывает «сложное цветение» личности с таким же состоянием общества, где нет упрощения государственности, где все действуют согласно исторической судьбе нации. Упрощение же общества, обусловленное торжеством идеологии «либерально-эгалитарного прогресса», культом демократии, связано именно с «отцветанием личности», с ее обезличиванием, угасанием творческого начала, ведущим к исчезновению святости и гениальности. Только «единство в разнообразии» — вот критерий совершенной культуры, а учение Леонтьева в свете революционных событий может получить «вполне научное социологическое подтверждение».

Очередной повод помянуть Константина Леонтьева добрым словом, отметить его правоту Бердяеву дает тема нации («Письмо четвертое»). В культе интернационализма, в борьбе за освобождение и уравнение национальностей отсутствует восприятие «национальных ликов», любовь к национальному образу, и потому снова прав

Леонтьев, определивший национальную политику эгалитаристов как орудие всемирного разрушения, увидев в ней торжество демократии и космополитизма.

В следующем, пятом «письме» «Философии неравенства» Бердяев отмечает, что нормальное и здоровое существование и развитие общества невозможно без консервативных сил. Ведь именно консерватизм сохраняет связь времен, соединяя будущее с прошлым, активно противодействуя «революционизму», оторванному от «ядра жизни». В отличие от всех радикальных идеологий с их неизбежной поверхностностью, консерватизм имеет духовную глубину, он обращен к «истокам жизни», связан с «корнями», и потому в деяниях творцов заметен «консерватизм глубины», отвращение от революционности. Именно благодаря консервативности сознания и появляются творческие индивидуальности, черпающие энергию в глубине жизни, а не в теории. Даже если творческие личности и далеки от консерватизма политического, они всегда представляют консерватизм глубинный и духовный, как, например, представлял его Константин Леонтьев. Последнее, впрочем, не мешает Бердяеву использовать его в политических целях, как наиболее удобное и приемлемое средство в полемике с оппонентами, «недругами по социальной философии».

Какой же урок можно извлечь из изучения истории пристрастного чтения Бердяевым Леонтьева?

В 1904 г., в преддверии первой русской революции, бывшему легальному марксисту, обратившемуся к идеализму, мечтающему «освободить» Россию от монархии, Леонтьев показался настолько реакционным, что, даже усматривая светлые стороны его мировоззрения, Бердяев всё же давал понять читателю, что перед ними апологет «тьмы», гаситель свободы, мрачный человек, чей талант делает и его самого, и всё человечество глубоко несчастными. Однако после второй революции, после изгнания из России и переоценки ценностей, тот же Леонтьев кажется Бердяеву уже не реакционером, а спасителем России, культуры, полезным обществу духовным консерватором. И уже почувствовав свое сродство с духовным консерватором, Бердяев позже берется за книгу — «Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли», которая выходит в Париже в 1926 году.[6]

Жизнь и творчество Леонтьева — «цветущая сложность», и потому здесь можно найти и рецепты для эстетизированной реакции, и формулы творчества. Он может научить и хорошему, и плохому, всё зависит от читателя, его настроя, установок, желания. Каждый найдет у Леонтьева то, о чем мечтает: у него есть и плеть принуждения, и перо возвышения, и наставление в искусстве власти. Многим полезно будет перечитать Константина Леонтьева, чтобы прочувствовать свое истинное я, обнаружить потаенные желания. Кто-то после прочтения потянется к «кнуту», а кто-то к «перу». Так что всякому, кто решает сегодня заняться политикой, можно и нужно обратиться к сочинениям Константина Леонтьева, чтобы протестировать себя.

Леонтьев — достойный учитель жизни, наставник, только не передающий знания, а помогающий своему читателю обнаружить истинные наклонности, определиться, к чему он более способен — управлению или творчеству. Ну а урок, который преподносит нам такой читатель Леонтьева, как Бердяев, состоит в том, что главнейшей задачей нашего времени является «творческое управление». И освоение философского наследия — непременная часть обучения современного политика.

---

6 Бердяев Н. А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Париж: YMCA-Press, 1926. Переиздано: Алексей Степанович Хомяков. Миросозерцание Достоевского. Константин Леонтьев. [Собрание сочинений. Т. V.] Париж: YMCA-Press, 1997.